

Язык поэзии и язык философии: дыхание и одышка... Исаев А. А.

Исаев Александр Александрович / Isaev Alexander Alexandrovich – доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и права,
Сургутский государственный университет,
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, г. Сургут

Аннотация: сущностная разница между поэзией и философией – это разница между естественным, как дыхание, влиянием поэзии на нашу душу, движимой законами красоты и языка, и противоестественным влиянием философии, требующей усилия, – усилия понимания, которое, будучи, зачастую, предельным, рождает «одышку».

Ключевые слова: «язык – дом бытия», чувство языка, философ / поэт, усилие понимания / интуиция прекрасного.

В «Письме о гуманизме» (1947), М. Хайдеггер отозвался о характере письменного языка бесстрастно, акцентируя его недостатки: «На письме у мысли легко пропадает подвижность...», – и достоинства: «...Письмо... несет с собой целительное принуждение к обдуманной словесной формулировке» [1 С. 193]. Кажущийся индифферентизм не должен вводить нас в заблуждение относительного чувства языка, которым наделены философы: «...Именно внимание философов к языку обуславливает... авторефлексивность философского слова» [2]. Однако, патологоанатом языка Р. Барт не столь снисходителен: даже в попытке «выразить себя», внутренняя сущность писателя есть лишь «готовый словарь» [3]. Итак, в качестве одной из существенных черт философского языка мы можем признать саморефлексию, которая наиболее зримо проявляет себя на письме: малоподвижность, сосредоточенность на готовых языковых формах, инструктирующих мысль. Но, если это – словарь безнадежный, страдающий от рефлексии, имманентной философскому мышлению, то почему бы не довериться поэзии: все-таки между М. Хайдеггером и И. Бродским меньше непримиримых различий, чем между поэтическим аутсайдером А. Нобелем и «тем же» И. Бродским. Если же речь идет о единстве языка философа и поэта, то различий (в особенности, если это – случай М. Хайдеггера, создавшего достаточно богатый язык [А.И. Алёшин]), должно быть меньше, чем между хорошим и плохим поэтическим языком. И когда это – сближение языка философии и поэзии – происходит, то рождаются «формулы», освобождающие читателя от необходимости проходить путь мысли самому: сказал М. Хайдеггер, что философы и поэты – хранители языка или «язык – дом бытия», и можно эту поэтическую максиму воспроизводить бесчисленное количество раз, не задумываясь о необходимости собственной работы с языком – никто ведь не запрещает продумать мысль М. Хайдеггера, если и не лучше, чем он сам, то хотя бы самостоятельно. Помимо понимающего усилия важен и контекст, порождаемый самим языком (зачастую, он обладает полномочиями третейского судьи, особенно, в переводном тексте или при встрече с деревянным языком философского комментария, не проясняющего, а затемняющего смысл оригинала). Вот контекст ставшего хрестоматийным тезиса М. Хайдеггера: «Мы далеко не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. <...> существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа... Поэтому осуществимо... только то, что уже есть. Но что прежде всего «есть», так это бытие. Мыслью осуществляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль... просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Отношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. *Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища*» (курсив мой – А.И.) [1. С. 192]. По-видимому, эксплицитная здесь и существенная, если – не сущностная, разница между поэзией и философией состоит в том, что поэзия неким естественным, как дыхание, образом сообщает нашей душе определенное состояние (чувство), но, поскольку ведома она еще и интуицией прекрасного, то происходит это не только по законам красоты, но и по законам самого языка; что до философии, то та требует усилия, зачастую, предельного – усилия понимания, которое (как считают те, кто пробовал понимать и у него получилось) рождается телесным способом – в силу присутствия и основательного опыта, который не проделывается иначе, чем самым мучительным и «неказистым» образом – на собственной шкуре.

Литература

1. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Его же. Время и бытие: Ст. и выст. / Сост. и пер. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
2. Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. М.: Логос / Гнозис, 2010. С. 33.

3. *Барт Р.* Смерть автора // Его же. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 389.